

Лeonид Исидорович, поговорим о Москве? Город — глазами активного, но ныне отошедшего от дел человека.

— «Отошедший от дел» — это не про меня. Но к этой теме еще вернемся. О Москве же поговорю с удовольствием. Ведь я коренной москвич, родился в самом центре столицы.

Моя семья жила в отеле «Люкс» — сейчас Тверская, 10. Там была булочная Филиппова — квартира находилась на втором этаже прямо над входом в булочную. Потом отец получил другую квартиру. Но я вернулся в этот дом после войны, потому что женился на дочери итальянского коммуниста, которая там жила. У нас был давний роман. Сохранился чемодан фронтонных писем.

Это был необычный дом — в нем в разное время жили деятели Коминтерна и компартий многих стран: Тольятти, Готвальд, Пик, Тито, Димитров. Можно по-разному судить о политическом лице этих деятелей, но все-таки многие были альтруистами — такими я их запомнил. Жили скромно: один туалет на этаже, одна кухня на 30 номеров.

В 1954 году жильцы «Люкса» стали пионерами Юго-Запада. Здесь высились горы земли, не было метро. Москва казалась далекой. Сейчас это один из красивейших уголков столицы. Взгляните с балкона на двор — чудо!

Москва очень изменилась, особенно за последние годы. Многие мои ученики живут за границей и, приезжая в Москву, бьют у меня. Все говорят: Москва изменилась невероятно! Потрясающе красивая. Тем резче бросаются в глаза перемены. Скажем, в Москве явный перебор с рекламой. И с художественным вкусом проблемы. К Юрию Михайловичу Лужкову искренне отношусь с уважением — он, безусловно, вошел в историю как выдающийся мэр Москвы. Но считаю, что он не прав, делая из своих товарищеских отношений императив — категорически против церетелизации Москвы.

— Но мэр нашел аргумент. «Время расцвет», — сказал он.

— Это некорректный аргумент. Увы, у меня не хватает мужества сказать ему это. Понимаете, дело даже не в том, что нельзя делать ставку на одного художника. Игнорирование оппонентов — большая ошибка. Помните, у Козьмы Пруткина: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». Вот и вырастают в городе «флюсы». Кстати, я был на выставке Церетели, и мне понравились его картины — в них есть что-то от Пиротомани. Колорит сохранен...

— А как вы относитесь к Москве?

— Я получаю пенсию почетного гражданина города. Но вот у моей жены — она в прошлом врач высшей категории — пенсия около 3 тысяч рублей. Конечно, это мало, хотя ведь не самая маленькая пенсия. Что касается учителей, то если у них нет помощи от детей, им очень трудно жить на пенсию. Некоторые выходят из положения: дают частные уроки и получают в 10-20 раз больше, чем за школьный урок. Поэтому сравнивать сложно. Большинство пенсионеров живет несладко.

Но в общем у меня мажорное настроение. Любые революции чреватые гильотинами, трудностями и борьбой с этими трудностями. Но то, что Лужков и московское правительство систематически поддерживают деньгами трудноживущих людей, — для меня лакусовая бумажка: они дают надежду. Согласитесь: чтобы выжить — нужен какой-то минимум. Сделать так, чтобы надежда не угасала — в этом вижу большой оптимистический заряд...

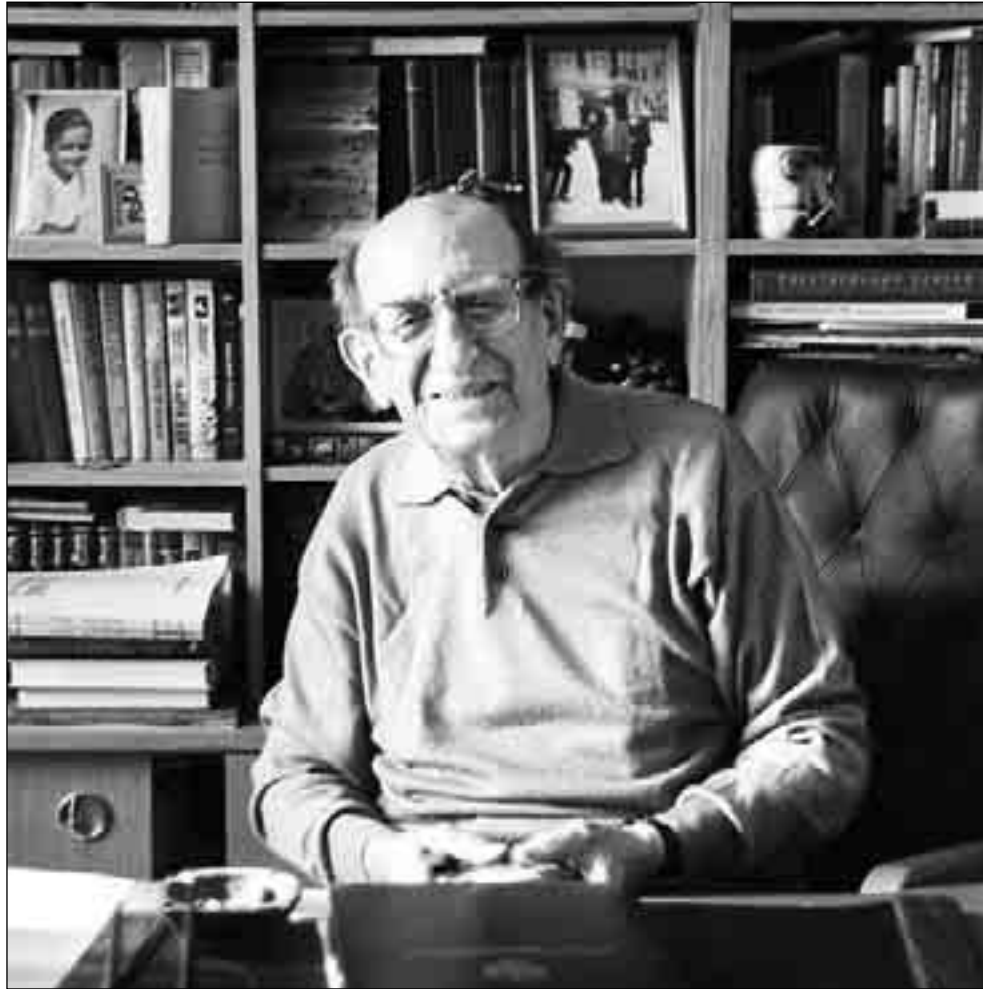
А теперь самое время вернуться к «отошедшему от дел человеку».

Уход на пенсию — это, конечно, трагедия. Но, во-первых, я ушел из школы, когда мне перевалило за 80, — это случилось 1 января 2002 года. Во-вторых, я ушел потому, что не было физических сил вести мою же установленный образ жизни — я ведь многие годы приходил на работу в шесть утра. Один инфаркт, потом второй... И, наконец, в образовании стал меняться климат. Я пошел в школу для того, чтобы делать свое дело. Когда начались изменения и я увидел, что не в силах подчиниться, — ушел.

Еще раз повторю — это трагедия: ведь я засыпал с мыслью о школе и просыпаюсь с мыслью о школе. Держусь тем, что ко мне тянутся бесконечные вереницы моих учеников. Для меня это счастье.

А Москву я очень люблю. Я мог бы уехать — скажем, в ту же Италию, на родину жены. Но не могу! Я объехал не меньше трех десятков стран. Россия отличается одним качеством, которого нет нигде в мире, но которое, к сожалению, сейчас исчезает — тягой человека к человеку, тягой к общению. Я был на бесконечных вечеринках в Италии, Франции, США. Везде

Леонид МИЛЬГРАМ:

ПРОРАСТАЮ В УЧЕНИКАХ...

Леонид Исидорович МИЛЬГРАМ. Окончил истфак МГУ в 1951 году, народный учитель СССР, почетный гражданин Москвы, более 40 лет был директором 45-й московской школы.

примитивное общение. А у нас была фантастическая тяга людей друг к другу.

С моей точки зрения, это исчезает потому, что ушли из жизни бескорыстные нравственные альтруисты, вожди русской интеллигенции — Сахаров, Лихачев, Окуджава, Гердт. И самое страшное то, что молодая плеяда вождей интеллигенции не выдержала искуса деньгами и властью, перестала играть роль интеллигенции...

— А вы не задавали себе вопроса: если они носители нравственного идеала, то почему не выдержали, как вы говорите, искуса?

— Искус деньгами и властью и интеллигенция — моя и больная тема. Заглядывал в американский, итальянский словари — везде написано: слово «интеллигенция» — русского происхождения. А что до падения перед искусом, то, думаю, охранка, Гражданская и мировая войны, «философский пароход», чистки 37-го года сделали свое дело: интеллигентный вырвали с корнями, истребили генетически. Измельчала она — не тянет, к сожалению, на роль духовного лидера...

— Количественный подход — аргумент слабый. Может быть, все-таки дело в самих идеалах? В том, что интеллигенция была больна идеализмом, романтизмом? Пока романтики беседуют на кухне — это милые люди, жаждущие идеалов, «бесплатного счастья для всех». Но их нельзя допускать до власти: они пытаются придуманный мир воплотить в реальность. И если у них не получается — становятся деспотами, льют кровь. Романтики — опасные люди! Впрочем, вы, как я знаю, учили детей реальным предметам.

— И тем не менее я ставил задачу воспроизводства интеллигенции, внедрял общечеловеческие ценности: в моей школе был культ справедливости, чести, достоинства...

— Вот об этом и поговорим. Предлагаю: я буду цитировать вас, воспользовавшись публикацией в «Отчетных записках» (№ 2, 2002 г.) — и это будет тема для продолжения разговора. Итак, вы пишете: «Не согласен, что наша школа — прямое наследие коммунистического режима, хотя на-

до признать, что школа — одна из самых консервативных систем в обществе, она изменяется медленно. Я в этом не вижу большого минуса... Школа должна быть подконтрольна, обязательно должен быть стандарт».

— Стандарт — понятие емкое. Думаю, что стандарт в узком смысле этого слова невозможен. Но должны быть рамки. И в этих рамках — многообразие.

Школа сегодня переживает острейший кризис, связанный с кризисом в обществе. Господствует иная идеология. В ее основе — деньги! У нас и раньше были дети из разных семей. Но традиции в школе строились на другой основе, причем, не скрываю, делалось это силовым методом. Я, например, не разрешал девочкам носить в школе сережки. Все спрашивали: почему? Потому, что с двух или трех барышень я снял бриллиантовые серьги, провел расследование и выяснил: дело в бабushках. Бабushка в молодости была нищей. А сегодня у ее сына или зятя имеются деньги, и бабushка устраивает парад возможностей...

— Так бабushка компенсирует чувство неполноценности...

— Свое! Но при этом не хочет знать, что творится в душах девочек, у которых нет возможности носить такие вещи. Компенсируя свое чувство неполноценности, она через внучку закладывает его в другого ребенка. Вот где насилие над душами! Против него я и восстал. Увы, я ушел — сегодня в моей школе ходят в сережках. Так же — с формой. Ее отменили, а я у себя ввел. Чтобы у ребенка, который не может одеваться в дорогое, не было чувства униженности. И, знаете, они вырастали, приходили через 10 и 20 лет и говорили: как вы были правы — нам всем было хорошо! Здесь ключевое слово — всем!

Сейчас этого нет. Из школы выходят совсем другие люди. Наша, 45-я, еще держится. Но то, что я вижу, свергает меня в глубокое уныние. Вот вам факт: сегодня в семьях, которые называют себя интеллигентными, в ходу мат. Он стал нормой. Признак явной деградации...

— Еще цитата: «Наша цель — развитие творческой личности. Если эту цель не преследует государство, то это либо трагическая ошибка, либо преступление. А воспитывать личность могут люди одаренные. Учитель должен быть личностью, он должен быть интересен и сам себе, и другим». Но только ли учитель должен быть личностью?

— Личностью должен быть каждый. Но меня волнует прежде всего учитель. Потому что учитель формирует личность. Родители и учитель. И, кстати, доминанта часто бывает за учителем. Ах, какие у меня учителя были — девки все свои тайны им расказывали! И все потому, что между учителем и учеником был диалог! А ведь диалог — это движение к смыслу, осмысление, идущее через взаимопропонижение личностей. Диалог — всегда внутренний процесс самоизменения, переосмысления. В диалоге личность осваивает накопленное культурное богатство. Сегодня диалог уходит из школы. Взамен приходит компьютер. Я не против компьютера — я против «взамен». Его бездумное внедрение в систему обучения очень опасно. Предложена экзаменационная система, где перед учеником будет компьютер с набором готовых ответов. Исчезает диалог учителя с учеником. Компьютер не различает лиц учеников, их неповторимой индивидуальности, не может проследить логику мышления, не дает возможность в диалоге отстоять свою точку зрения. Я уже не говорю о том, что напрочь отсекаются нестандартные ответы и решения. О каком творчестве после этого можно говорить? О какой личности?

Хочу надеяться, что на ответственных товарищей в сфере образования нашло временное затмение.

— Леонид Исидорович, вы подчеркиваете, что в вашей школе была исключительная атмосфера, а между тем вот что я вычитал: «У меня в кабинете висел герб — кнут и пряник. Я порол детей и считал, что это нормально. Если у меня доверительные отношения с ребенком и его родителями, никакого вреда это принести не может. У меня был случай: девочка летом

сбежала с дачи и пропала. Ее искали пять недель, родители не спали, да что родители, я сам и моя жена не спали. Через полтора месяца родители получили письмо. Оказывается, она пряталась где-то в Подмоскovie и прислала оттуда письмо. Письмо шло полтора месяца. Когда девочка появилась, родители обლობызали ее и все простили, а я вызвал отца в школу и выпорол ее в его присутствии».

— Розги сохранились. А та девочка превратилась в солидную даму. Но долго еще ко мне бегала. И не раз благодарил за ту порку. Понимаете, в чем дело: во-первых, это исключительный случай, во-вторых, это можно делать только тогда, когда у тебя близкие отношения с семьей и ребенком. Я ей был как второй отец...

— Откровенно говоря, я на вашей стороне. Но ведь официальная мораль могла осудить.

— Могла. Но школа — нет. Потому что в школе все знали: я — добр. Но требователен. Такое наказание — от доброты. Когда человеку наплевать на чью-то судьбу, он проходит мимо...

— Тогда вот еще цитата: «У нас сейчас бьет мнение о необходимости всеобщего среднего образования. Я не думаю, что это правильно. Обучение старшего звена хорошо бы сделать разнообразным, должны существовать профессиональные училища. Их явно недостаточно. У нас получается значимый разрыв между потребностями страны и тем, что все в обязательном порядке получают усредненное образование. Мы всех готовим как бы к высшему образованию».

— Очень важный вопрос! Недавно президент перечислил три первоочередные задачи: удвоение ВВП, ликвидация бедности и укрепление военной мощи. Все, что он сказал, — правильно, но мало. Не думаю, что образование и наука должны быть вне рамок основных задач государства. И то, что сейчас делается с реформой школы, аукнется.

Безусловно, должно быть всеобщее образование, включая подготовку любых кадров. Но должно быть — не боюсь этих слов — и выделение элитных школ, которые будут готовить блестяще образованных людей. Интеллигенцию. И критерием должен быть не карман родителей, а способности. Нельзя лишать общество мозгов.

Но речь нужно вести не только о мозгах, но и о руках. Крики левых насчет общего образования, когда они имеют в виду школу, это чистой воды популизм. Разве нашей промышленности не нужны мастера-золотые руки — токари и фрезеровщики, слесари и лекальщики, швеи и хлебопеки? И разве комплексу городского хозяйства не нужны современные рабочие, разбирающиеся в электронике и сложной технике? Нужны плотники и штукатуры, электрики и водители! Мы сейчас теряем качественный рабочий класс — потому что упустили ПТУ как элемент общего образования.

Мы, акакалы школы, хотим выступить против такой политики в сфере образования, которая делает наше общество безмозглым и безруким.

— И кто же этим будет заниматься? Государство устранилось.

— Вот именно. Самое страшное, что государство устранилось. Реформа не должна быть аккордной, одномоментной — такой, какой ее видит нынешний министр образования Филиппов. Надо не ломать, а искать...

— Леонид Исидорович, а ведь вы хорошо пишете...

— Мне все советуют писать мемуары. Я действительно много видел. Например, не исключено, что я остался один, кто был дома у Троцкого. У него есть книга «Моя жизнь», и он там написал, как в 1926 году нелегально ездил лечиться с женой в Германию — мне в ту пору было пять лет, — и там есть такая фраза: «Дзержинский послал со мной своего человека». Это был мой отец. И когда я читал следственное дело отца, то обнаружил, что одно из основных обвинений — близость к Троцкому...

— Вернемся в сегодняшний день. Вы ведете активную жизнь — откуда такой заряд оптимизма?

— Ученики! Они меня поддерживают уже тем, что непрерывно идут в мой дом. Возьмите в расчет, что из нашей школы все поступали в престижные вузы. И не благодаря родителям. Поступали потому, что были хорошо готовы. Мы воспитывали личности, которые в хорошем смысле стремились делать карьеру. И многие ее сделали. Здесь. За границей. Я смотрю на них и чувствую себя счастливым человеком! Ведь в их успехе — моя доля!

Есть и обратная отдача: благодаря моим ученикам во мне все больше зреет надежда, что наша жизнь изменится в лучшую сторону.

Поэтому без лишней скромности говорю: прорастаю в учениках...

Василий ДВОРЫКИН